

ПОЗЕМЕЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ В МЕСТАХ ТРАДИЦИОННОГО ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ ШОРЦЕВ: ТИПОЛОГИЯ, ФАКТОРЫ, МОДЕЛИ КОНФЛИКТОГЕНЕЗА*В. В. Поддубиков, К. И. Осипов***LAND-USE CONFLICTS IN THE AREAS OF THE SHOR PEOPLE'S TRADITIONAL ECONOMIC ACTIVITIES: TYPES, FACTORS AND ORIGIN PATTERNS***V. V. Poddubikov, K. I. Osipov**Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 13-01-00170).*

В статье обобщаются результаты исследования, направленного на выявление факторов риска поземельных конфликтов в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности коренной малочисленной народности – шорцев. Исследование осуществлено в 2011 – 2013 гг. на территории Кемеровской области и республики Хакасия с охватом более 40 населенных пунктов с суммарной численностью шорского населения свыше 12000 чел. Выявлены и проанализированы имеющиеся или возможные в будущем поземельные конфликты в отношениях местных сообществ коренного малочисленного этноса, сохраняющих традиционные формы хозяйственной специализации (практика промыслового природопользования), с другими категориями землепользователей. Выявлено четыре модели конфликтогенеза, различающиеся по составу участников конфликтных ситуаций. Определен круг основных противоречий, формирующих основу для развития поземельных конфликтов, проанализирована мотивация конфликтующих сторон, определены основные факторы риска и угрозы развития конфликтов.

This paper extends the results of a study designed to identify risk factors for land-use conflicts in the areas of the Shor people's traditional residence and economic activities. The study was conducted in 2011 – 2013 in Kemerovo Region and the Republic of Khakassia, covering 40 settlements with the total Shor population numbering more than 12,000. The existing and forthcoming land-use conflicts between local indigenous communities with high level of traditional economic specialization and other categories of land users were identified and analyzed. The authors detected four patterns of land-use conflicts genesis differing in the composition of conflict participants. The paper also estimates the main contradictions that can serve as the basis for land-use conflicts arising, analyzes the motivation of conflicting parties, identifies the main risk factors and threats of land-use conflicts.

Ключевые слова: поземельные конфликты, традиционное природопользование, коренные малочисленные народы, прикладная этнология, шорцы.

Keywords: land-use conflicts, traditional wild-life use, indigenous peoples, applied ethnology, Shor people.

Проблематика этнических конфликтов в настоящее время является высоко актуальной областью исследований как в мировой традиции этнологических (социально- и культурно-антропологических) исследований, так и в рамках современной российской практики прикладной этнологии. В таком многонациональном государстве, каковым является Российская Федерация, перманентно присутствует определённый конфликтогенный фон и нередко возникают угрозы обострения межэтнических отношений, что в целом хорошо осознается сегодня на уровне государственной власти, стремящейся к разработке эффективных инструментов предотвращения различного рода проявлений межэтнической конфликтности, включая запуск некоторых федеральных и региональных программ этнологического мониторинга [1]. В этой связи большой интерес представляет накопленный в регионах страны опыт в проведении прикладных этнологических исследований, сориентированных на решение актуальных проблем в области регуляции межэтнических отношений и формирования эффективного курса государственной этнонациональной политики.

Известно, что межэтнический конфликт – исключительно сложный, многогранный феномен, диапазон возможных форм практической реализации которого простирается от небольших по масштабу столкнове-

ний на почве т. н. бытового национализма – до крупных этнополитических манифестаций с применением насилия. Широка и перечень общественных практик, способных сформировать опасную конфликтогенную среду. В этом качестве, к примеру, иногда выступают этномиграционный экспансионизм, формирование этнически гомогенных секторов экономики и конкуренция в отдельных сегментах рынка труда, лингвонационализм, этнотерриториальные, кросс-культурные и прочие взаимодействия на межэтническом уровне.

Не является здесь исключением и практика традиционного природопользования в пределах этнической территории. В этой сфере хозяйственно-экономической деятельности, составляющей основу культур жизнеобеспечения, практикуемых сельскими сообществами коренных малочисленных этносов, в настоящее время нередко возникают конфликтные ситуации, часть которых угрожает не просто столкновением интересов граждан, а возникновением именно этнически окрашенных противоречий. Для некоторых общин коренных народов традиционно-хозяйственная практика является почти единственным доступным источником средств существования. Поэтому любые препятствия на пути доступа коренного населения к биоресурсам кормящего природного ландшафта, возникающие, к примеру, в результате создания особо

охраняемых природных территорий или выводом части земель из традиционно-хозяйственного оборота – в зоны развития промышленной индустрии, туризма, рекреации могут восприниматься резидентными группами коренных народов как прямая угроза их выживанию.

С другой стороны, этническая территория, обеспечивающая необходимый ресурс выживания сообщества, почти всегда наделяется им глубоким сакральным смыслом, превращаясь в традициях народного фольклора, мифологии, религиозной культуре и сфере самосознания в важный компонент локально-групповой, и даже национальной идентичности. В этой связи территориальные противоречия в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности коренных народов почти всегда оцениваются ими как тревожный инцидент на границе «своего» и «чужого» пространства не только в географическом, но и культурном, и собственно этническом смысле.

Несомненно, все эти обстоятельства не способствуют межнациональному миру. Напротив, они формируют почву для роста этносоциальной напряженности в местах традиционного проживания коренных малочисленных этносов и в ряде случаев приводят к возникновению ситуации повышенной конфликтности, нарастающей в основном вокруг вопроса о землях традиционного природопользования и нарушении права коренного населения свободно их в хозяйственном отношении осваивать. Вероятно, этим перечнем причин конфликтов не исчерпывается. Важнейшая научная проблема здесь заключается в том, что ни конкретные причины возникающих противоречий, ни механизмы конфликтогенеза и уж тем более возможные варианты урегулирования поземельных конфликтов абсолютно не ясны по причине недостаточной изученности темы.

В настоящей работе представлены результаты экспертного этнологического исследования, целью которого являлось выявление факторов риска поземельных и этносоциальных конфликтов в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности одного из коренных малочисленных народов Сибири – шорцев. В течение трех лет (2011 – 2013 гг.) коллектив лаборатории этносоциальной и этноэкологической геоинформатики Кемеровского государственного университета проводил систематические наблюдения за состоянием поземельных отношений в местах традиционного природопользования шорцев Кемеровской области и Республики Хакасия. В общей сложности было охвачено более 40 населенных пунктов с общей численностью шорского населения более 12000 чел. Для изучения действующих форм поземельных отношений и выявления факторов риска возникновения конфликтных ситуаций в программе полевых исследований предусматривалось:

- собрать и проанализировать данные первичной муниципальной статистики населения (книг похозяйственного учета населения); статистики социально-экономического развития территорий традиционного проживания шорцев, в т. ч. социальных паспортов сельских поселений;

- осуществить картографическую фиксацию территорий традиционного природопользования корен-

ного населения, районов поземельных конфликтов и зон действия факторов риска их возникновения на технологической платформе ArcGis 9.0;

- провести социологический опрос населения по проблемам межэтнических отношений и возможным причинам поземельных и этносоциальных конфликтов.

Исследование выявило несколько конфликтных ситуаций с участием локальных групп шорцев Кемеровской области и Республики Хакасия. В настоящее время они находятся на различной стадии конфликтогенеза, различаются по напряженности возникших конфликтных отношений, степени активности конфликтной деятельности, составу и числу вовлеченных в конфликт субъектов, а также причинам, обусловившим возникновение и развитие конфликтов. Вместе с тем общей для всех выявленных случаев является возникающая в условиях конфликта угроза проецирования возникших противоречий в плоскость межэтнических отношений или же в сферу политического дискурса. Полученные материалы позволяют предложить классификацию поземельных и этносоциальных конфликтов с участием сельских групп шорцев с сохраняющейся традиционно-хозяйственной специализацией и на этой основе отметить наиболее распространенные причины и особенности конфликтогенеза. Это представляется важным не только в теоретическом ключе, но и в научно-практическом отношении.

В настоящее время не существует обоснованной классификации поземельных и этносоциальных конфликтов, возникающих на локальном уровне, в ситуации прямого контакта традиционно-хозяйственных сообществ коренных малочисленных этносов с «агентами» индустриального общества, такими как промышленные предприятия, арендаторы земель сельскохозяйственного назначения и лесного фонда, крупные агропромышленные компании и т. д. Большинство существующих научно-исследовательских разработок описывает в основном макромоделли конфликтогенеза, реализуемого в масштабах общественных систем в целом [2 – 5]. Конфликтная составляющая практики традиционного природопользования в ее локальном измерении в существенной степени не осмыслена. Это, в свою очередь, затрудняет предпринимаемые сегодня попытки практически содействовать урегулированию даже самых очевидных конфликтных ситуаций в отношениях местных сообществ коренных народов и, скажем, ресурсодобывающих компаний, поскольку изначально не в полной мере исследованы, а значит, не до конца понятны механизмы формирования напряженных взаимоотношений конфликтующих сторон. В этом смысле важное значение имеет предпринятая в настоящем исследовании попытка классифицировать выявленные поземельные и этносоциальные конфликты с участием этнических групп шорцев, сохраняющих элементы традиционной хозяйственной специализации. Наиболее заметно обнаруженные в процессе настоящего исследования поземельные конфликты различаются по составу субъектов конфликтных отношений. По этому признаку можно выделить несколько разновидностей конфликтных ситуаций.

Коренное население и предприятия добывающей промышленности

На территориях традиционного природопользования шорцев зафиксированы конфликты и территориальные споры, в которые вовлечены локальные общины коренного населения, вынужденные противостоять промышленным (угледобывающим) предприятиям, отчуждающим часть земель традиционно-хозяйственного использования и наносящим ущерб традиционному природопользованию в результате своей производственной деятельности. Наиболее ярким примером подобной ситуации может служить давно сложившийся конфликт шорцев МО "г. Мыски" Кемеровской области (национальные поселки Чувашка, Казас) с шахтами и угольными разрезами концерна "ЮжКузбассуголь". Данный конфликт носит ярко выраженный поземельный характер с существенной, однако, социальной составляющей. В его изначальной основе лежит постоянная угроза техногенного нарушения осваиваемых местным населением традиционно-хозяйственных угодий: сенокосов, пастбищ, орехопромысловых участков, важных с точки зрения поддержания практики традиционного природопользования. Толчок к развитию конфликта дали возникшие в 2003 году проекты по развитию промышленной инфраструктуры некоторых угледобывающих предприятий (шахта "Урегольская", разрез "Сибиргинский"), начавших строительство технологических дорог и новых энергосетей, непосредственно затронувших территории, прилегающие к пос. Чувашка, в том числе места расположения сенокосов местных жителей, которые инициировали ряд протестных общественных акций, привлечших внимание региональных органов власти.

Начавшийся трехсторонний переговорный процесс (представители местного сообщества, руководство угольных предприятий, органы власти) привел к решению о выплате компенсаций тем местным жителям, угодья которых непосредственно оказались нарушенными в результате хозяйственной деятельности предприятий. Научное обоснование объема компенсационных выплат уточненного списка "пострадавших" домохозяйств и общей оценки ущерба для традиционной этнокультурной среды коренного населения впервые в Кемеровской области было сформировано на основе результатов специально проведенной этнологической экспертизы [6], которая рекомендовала помимо компенсационных мер сформировать и на постоянной основе финансировать за счет угольных компаний программу социально-экономической поддержки уязвимых локальных сообществ. Предусматривалось, в частности, финансирование инфраструктурного развития национальных поселков шорцев, а также мероприятий, направленных на сохранение традиционных форм этнокультуры.

Однако на этом конфликт не был исчерпан. Та часть местного населения, которая не вошла в перечень лиц, получивших компенсацию за нарушенные участки традиционно-хозяйственного использования, продолжала выражать свое недовольство и поддерживать с руководством угольных предприятий конфликтные отношения. В 2012 году начались массовые акции протеста жителей пос. Казас, которые выдвигают

требования выплат новых компенсаций за нарушенную среду обитания и средств на приобретение жилья в других населенных пунктах. В настоящее время ситуация вокруг п. Казас исключительно остра, что хорошо заметно по некоторым публикациям в сети Интернет [7].

Коренное население и особо охраняемые природные территории

В данном варианте конфликт развивается в отношениях между местными сообществами шорцев, сориентированными на практику хозяйственного освоения биоресурсов в районах своего исконного проживания и образованными в этих местах особо охраняемыми природными территориями. В этом отношении более всего показательна ситуация, сложившаяся на территории Шорского национального парка, расположенного в южной части Кемеровской области и включающего в свои границы значительную часть территорий традиционного природопользования коренной малочисленной народности. Здесь, несмотря на установленные запреты, около 75 % особо охраняемой функциональной зоны (экологического ядра национального парка) систематически осваивается охотниками из числа местного населения. Причем по данным проведенных социологических опросов большинство из них умышленно идет на нарушение действующего природоохранного режима. Так, 44 % респондентов выразили свою готовность к нелегальной практике использования охраняемых видов биоресурсов в случае, если увидят в этом возможность улучшения своего материального положения. По сути, перед нами социально предопределенный механизм формирования резидентного браконьерства. Очевидно, что при образовании парка не принимались в расчет особенности форм хозяйствования коренного населения. С течением времени это не могло не привести к возникновению поземельных конфликтов. На территории Шорского национального парка сегодня существует три конфликтные зоны. Из них две имеют трансграничный характер и локализованы вдоль административных границ Кемеровской области, Республики Хакасия и Республики Алтай. В рамках третьей зоны отмечены поземельные конфликты между локальными сельскими сообществами и группами приезжих охотников, а также заготовителей кедрового ореха.

Характерно также, что национальный парк имеет уникальный опыт решения проблем взаимоотношений с местными сообществами коренного населения, который вполне можно считать одной из моделей перехода к бесконфликтным отношениям ООПТ и местных сообществ. Попытки эффективно упорядочить систему традиционного природопользования шорцев и облачить ее в законные рамки были предприняты в 2008 году в процессе разработки менеджмент-плана на очередной плановый период (2008 – 2012 гг.). Решено было с целью снятия назревшей напряженности в отношениях с местным населением изменить систему функционального зонирования территории парка, выделив в его составе зону экстенсивного традиционного природопользования, специально предназначенную для поддержки локальных групп малочисленной

народности – шорцев. Осуществив перезонирование, в 2009 – 2012 гг. руководство парка стремилось заключать договоры с шорскими общинами, домохозяйствами и отдельными лицами с четким определением участков разрешенной охоты, кедрового промысла и прочих традиционно-хозяйственных занятий. Некоторый эффект в направлении снижения степени конфликтности обоюдных отношений парка и местных сообществ коренного населения, безусловно, был достигнут. Однако после смены руководства в 2012 году национальный парк резко сменил стратегию отношений с местным населением, вернувшись к практике запретов на хозяйственную деятельность в пределах охраняемых природных территорий. Конфликтные формы взаимоотношений проявились с новой силой и были зафиксированы в процессе полевых исследований 2013 года. В частности, проведенный в местах традиционного проживания шорцев – населенных пунктах Таштагольского района Кемеровской области – массовый социологический опрос зафиксировал, что на обследованной территории в настоящее время существует выраженный конфликт между местным населением и руководством (сотрудниками) Шорского национального парка. Суть конфликта сводится к тому, что руководство парка жестко ограничивает природопользовательскую деятельность местного населения, которое, со своей стороны, недовольно вводимыми ограничениями, препятствующими практике традиционного природопользования, для многих имеющей важное экономическое значение. Кроме того, проживание на территории парка, имеющего статус особо охраняемой природной территории, фактически лишает местных жителей возможности получить работу или развивать какие-либо формы самозанятости, связанные с хозяйственной деятельностью. В этом состоит важный фактор социально-экономической депривации коренного населения, которое не может найти работу в местах традиционного проживания и вынуждено заниматься отходничеством и случайными и сезонными заработками.

Во многом сложившаяся ситуация является следствием пробелов в законодательстве, поскольку закон об особо охраняемых природных территориях существует, но подзаконных актов, корректирующих его действие на местах, то есть в конкретных условиях – нет. Однако в обострении конфликтной ситуации сыграл свою роль и субъективный фактор. Интенсификация конфликта произошла именно в момент смены руководства парка и перехода к политике жесткой регламентации хозяйственной жизни населения. В настоящее время конфликт находится в пассивной стадии. Однако имидж национального парка, некогда воспринимавшегося шорцами как символ признания государством проблем и нужд коренного малочисленного народа ("... коль парк назвали шорским, значит он создан для поддержки шорцев..."), в настоящее время все более воспринимается в общественном сознании негативно. Более 70 % опрошенных считают, что программы развития национального парка не помогут повысить уровень жизни местного населения района и никак не отразятся на решении проблем сохранения культуры и образа жизни шорского этноса.

Для сравнения: по результатам социологического исследования, проведенного в 2006 году, не менее 30 % респондентов считали, что национальный парк открывает для местного населения перспективу дополнительной (или даже основной) занятости через участие в туристических проектах, которые Шорский национальный парк развивает в Горной Шории на всем протяжении своего существования. Не менее 50 % участников опроса 2006 года были убеждены, что парк имеет реальные возможности способствовать возрождению шорского этноса. Совершенно очевидно, что на фоне зреющего конфликта подобные установки значительной частью местного населения пересматриваются. Все это неизбежно снизит в будущем реальные возможности для развития сотрудничества национального парка и местных сообществ, в которых, как известно, кроется залог эффективной природоохранной деятельности любой особо охраняемой природной территории.

Коренное население и аренда земель лесного фонда

В ряде случаев выявленные в процессе настоящего исследования поземельные конфликты возникают по причине появления на территориях традиционного природопользования малочисленных этносов практики аренды земель лесного фонда. Как правило, лесные земли арендуются для развития спортивно-охотничьих хозяйств, промысловых заготовок дикорастущего сырья, развитие бизнес-проектов в сфере рекреационных, туристических и иных услуг. Все это нередко вызывает недовольство резидентных групп коренного населения, готового к конфликтной деятельности. Один из такого рода конфликтов был отмечен на территории Таштыпского района Республики Хакасия (в пределах зон традиционного природопользования шорцев Матурского и Анчульского сельских поселений). Около 28,5 % лесного фонда Таштыпского района (577902 га) передано в аренду индивидуальным предпринимателям и коммерческим организациям для ведения охотничьего хозяйства на длительный срок (2053 г.). Таких арендаторов на территории района зарегистрировано в общей сложности 13. Все они воспринимаются местными охотниками как захватчики исконных шорских угодий. Но в состоянии наиболее острого конфликта с сообществами коренного населения в настоящее время находится ООО «Тигули», ведущее промысловую охоту непосредственно на территориях традиционного природопользования местного населения. Площадь арендуемой этой организацией (т. е. фактически выведенной из традиционно-хозяйственного оборота) земли составляет 60442 га. Возникшая на этой основе конфликтная ситуация между ООО "Тигули" и охотниками из числа коренного населения в настоящее время находится в достаточно острой фазе. Попыток урегулировать конфликт до сих пор не предпринято ни одной из противостоящих сторон. По сообщениям информаторов и экспертов, местные сообщества избрали тактику игнорирования законных интересов организации-арендатора и продолжают осуществлять охоту на арендуемой площади. В ответ на это в 2013 году на арендованных ООО "Тигули" землях появились ограждения и вооруженная охрана, которая несколько

раз готова была открыть стрельбу, стараясь не пропустить нарушителей из числа местных охотников.

В данном случае, пожалуй, перед нами ситуация, практически не разрешимая в рамках существующего нормативно-правового поля. У вовлеченных в конфликт сторон имеется своя мотивация и устойчивое ощущение собственной правоты, хотя и основывается оно на качественно разных соображениях. Организация-арендатор лесных земель, прошедшая всю законную процедуру оформления аренды, безусловно, считает себя правомочным пользователем отведенных ей промысловых участков и не видит для себя необходимости разрешить местным охотникам использовать арендуемые земли. С другой стороны представители местного сообщества, заинтересованного в сохранении практики традиционного природопользования, воспринимают сложившуюся ситуацию с позиции нарушенной традиции, исторически составлявшей основу систем жизнеобеспечения локальных групп шорцев, а также личных потерь части доходов, которые всегда поддерживали экономику местных сел и поселков.

При этом представляет особый интерес воспроизводимая населением мотивация, основанная скорее не на апелляциях не к действующему законодательству, а к нормам обычного права, положенным в основу традиционной модели поземельных отношений, которые в ситуации присутствия организаций-арендаторов лесных земель оказались нарушенными. Большинство опрошенных респондентов и экспертов из числа местного населения не готово понять, по какой причине их жизненные потребности не принимались во внимание при решении вопроса о выделении столь обширной промысловой территории в коммерческую аренду. В попытке доказать свое приоритетное право на хозяйственное использование конфликтных земель большая часть местных жителей заявляет примерно следующее: "... испокон веков наши предки охотились на этих землях" или "... если у шорца нет возможности заниматься охотой, он не шорец" и т. д. Таким образом отмеченная ситуация, безусловно требует урегулирования, но не на основе "буквы закона", а путем поиска компромиссного решения, которое могло бы устроить обе стороны конфликта.

Основные причины поземельных конфликтов на территориях традиционного природопользования

Выполненное исследование показывает, что важнейшей причиной конфликтогенеза в местах традиционного природопользования является нерешенность (правовая неурегулированность) вопроса о статусе земель традиционно-хозяйственного назначения, которые большей частью коренного населения воспринимаются не иначе, как земля предков, т. е. этническая, по сути, территория, «святое» право распоряжаться которой в среде коренных народов воспринимается как одно из необходимых условий сохранения не только экономической основы традиционных форм этнической культуры, но даже и самой этнонациональной идентичности. Возникающие на этой основе конфликты большей частью протекают в латентной форме, не выходя на уровень открытого противостояния конфликтующих субъектов. Однако в этом же

сокрыта и одна значительная проблема. Чаще всего отсутствие работоспособных государственно-правовых механизмов распределения территорий традиционного природопользования приводит к их фактической замене обычно-правовыми традициями земельных отношений. В результате в местах традиционного природопользования нередко осуществляется незаконный оборот земель, реально используемых коренным населением в практике традиционного хозяйствования, но юридически отнесенных, к примеру, к категории Федерального резерва, территориям особо охраняемых природных территорий, или же арендуемых под развитие охотничьих хозяйств.

Таким образом, фактически часть коренных жителей, ведущих традиционное хозяйство на землях, для этой цели официально не предназначенных, автоматически становятся правонарушителями. Попытки государства восстановить законный порядок оборота соответствующего земельного фонда в большинстве случаев не приводят к прямому успеху, а напротив, обостряют ситуацию и формируют основу для развития конфликта. В некоторых случаях при этом запускается механизм манифестации этничности в среде локальных групп коренных малочисленных этносов, основанной на восприятии курса государственной земельной политики как явной угрозы выживанию и устойчивому развитию этнического меньшинства.

Возможен ли в данном контексте переход конфликта в плоскость именно межэтнических отношений на уровне: «коренное меньшинство» – «титальное (пришлое) большинство»? Такие случаи, хотя и немногочисленны, все же отмечаются в процессе социологических опросов по проблемам традиционного хозяйственного землепользования и сопутствующим этому процессу аспектам межэтнических отношений. Проявляется, в частности, склонность некоторой части коренного населения интерпретировать государственно-правовые и административно-территориальные препятствия в области традиционно-хозяйственной практики, которые возникли сравнительно недавно (если судить в масштабах «исторического времени» традиционной культуры), как своеобразной формы «этнического рейдерства» со стороны доминирующего (в основном славянского) социума.

На уровне личных оценок нашими респондентами данной ситуации содержались указания на то, что при изъятии из традиционно-хозяйственного оборота необходимых коренному населению земель, достаточно часто их распорядителями становятся представители некоренных национальностей: руководители особо охраняемых природных территорий, арендаторы охотничьих угодий и территорий рекреационного назначения. Подобные настроения весьма тревожны, поскольку фактически переводят земельный конфликт в плоскость межэтнических отношений. Если к этому добавить давно приобретенные политическое звучание проблемы культурной ассимиляции малых народов Сибири и их непропорционального (в сравнении с этническим большинством) доступа к социально-престижным сегментам рынка труда, становится ясен весь опасный контекст, казалось бы, «безобидных» земельных споров и противоречий.

Литература

1. Центр мониторинга межнациональных отношений будет контролировать Кремль // Национальный акцент. Медиа-проект гильдии межэтнической журналистики. URL: <http://nazaccent.ru/content/9939-centr-monitoringa-mezhnacionalnyh-otnoshenij-budet-kontrolirovatsya.html>, свободный (дата обращения: 16.08.2012).
2. Конфликты в современной России (проблемы анализа и регулирования) / под ред. Е. И. Степанова. М., 1999. 330 с.
3. Этническая ситуация и конфликты в государствах СНГ и Балтии: ежегодный доклад, 2006 / под ред. В. А. Тишкова, Е. И. Филипповой. М., 2007. 277 с.
4. Мосина В. В. Причины межэтнической напряженности и этнонациональных конфликтов в современном российском обществе // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2010. № 2. С. 65 – 70.
5. Тишков В. А., Степанов В. В. Измерение конфликта. Методика и результаты этноконфессионального мониторинга Сети EAWARN в 2003 году. М., 2004. 322 с.
6. Садовой А. Н., Нечипоренко О. В., Поддубиков В. В., Бойко В. И., Шмаков В. С., Зазулина М. Р., Белозерова М. В., Шиллер В. В., Счастливец В. Е., Борина Л. С., Усков И. Ю. Этнологическая экспертиза. Вып. 1: Оценка воздействия ООО "МетАл", ОАО "Магнитогорский металлургический комбинат" и УК "Южный Кузбасс" на системы жизнеобеспечения автохтонного и русского населения Чувашенской сельской администрации МО "г. Мыски" Кемеровской области. Кемерово: Изд-во ИУУ СО РАН, 2005. 317 с.
7. Борискин В. П. Геноцид в Кузбассе // Новости шорского народа. URL: <http://news.shor-people.ru/news/genocid-v-kazase.html>. (дата обращения: 12.11.2013).

Информация об авторах:

Поддубиков Владимир Валерьевич – кандидат исторических наук, заведующий лабораторией этносоциальной и этноэкологической геоинформатики, начальник научно-инновационного управления КемГУ, poddub@gmail.com.

Vladimir V. Poddubikov – Candidate of History, Head of the Laboratory of Ethno-Social and Ethno-Ecological Geoinformatics, Head of Science and Innovation Department, Kemerovo State University.

Осипов Константин Иванович – научный сотрудник лаборатории этносоциальной и этноэкологической геоинформатики, начальник отдела научных программ КемГУ, constantine-osipov@yandex.ru.

Konstantin I. Osipov – Research Associate at the Laboratory of Ethno-Social and Ethno-Ecological Geoinformatics, Head of Research Programmes Division, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 28 июля 2014 г.